

КАД 10.02.02
С30
А-940

На правах рукописи

Семенова Галина Николаевна

Именные композиты в чувашском языке

Специальность 10.02.02. – Языки народов Российской
Федерации (чувашский язык)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Чебоксары - 2005

Работа выполнена на кафедре методики преподавания чувашского языка и литературы государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

Андреев Иван Андреевич - доктор
филологических наук, профессор (г.Чебоксары)

ОЦЕНОЧНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

Ганиев Фуат Ашрафович – доктор
филологических наук, профессор (г.Казань)

Ворцов Михаил Иванович – доктор
филологических наук, профессор (г.Чебоксары)

Соловьев Николай Иванович – доктор
филологических наук, профессор (г.Чебоксары)

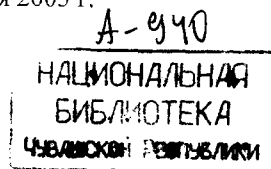
Ученый педагогический
совет

Сов на заседании
государственного
университета, 18; тел.:

Библиотеке

им. И.И.Юк

Автореферат разослан « 9 » декабря 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Д.З. Загидуллина

Актуальность исследования. Именные композиты (сложные слова с компонентами – именными корнями) издавна являются объектами пристального внимания тюркологов и, в частности, исследователей чувашского языка. Во всех общих и частных, конкретно-языковых исследованиях по грамматике и словообразованию тюркских языков этой проблеме уделяется большое внимание. Однако трудно считать удовлетворительным уровень научного исследования и теоретического осмысления природы чувашского сложного слова, предлагаемых в общих и специальных грамматических исследованиях. В них нет единой системы понятий и соответствующей терминологии. Сложные слова, как правило, рассматриваются вне единой системы и общих закономерностей, присущих данной категории языковых единиц. Композиты, включая все их разновидности, встречаются во многих языках мира, т.е. они являются своеобразными языковыми универсалиями. Данное обстоятельство определяет общеязыковедческую актуальность исследования в сравнительно-сопоставительном плане. Существует также необходимость рассмотрения проблемы сложного слова с точки зрения практической реализации этих единиц в языке. Это прежде всего проблема идентификации сложного слова, которая, в свою очередь, тесно связана с проблемами орфографирования и лексикографирования данных языковых образований – непоследовательностью в правописании разных типов сложных слов, отсутствием единых принципов отбора и подачи их в словарях и т.д. Важность изучения номинативной сущности именных композитов и определяющих ее факторов, применения ономаσιологического подхода к выявлению особенностей подобных наименований, анализа их механизма также обостряет актуальность данной проблематики в плане построения общей теории номинации и теории словообразовательной номинации в частности.

Цель и задачи исследования. Основной целью исследования является: на основе материала, предоставляемого непосредственно языком (главным образом в его письменном проявлении), с учетом того положительного, что имеется в научной литературе по вопросу о сложных словах в тюркских и других языках, охарактеризовать систему чувашского именованного словосложения в ее современном состоянии и, насколько это возможно, в ее развитии.

В соответствии с поставленной целью в работе определены и решаются следующие конкретные задачи:

– провести критический обзор основных положений в трактовке сложных образований в русском, тюркском и чувашском языкознании и установить состояние изученности данной проблемы;

– дать научно обоснованное определение сложному слову (композиту) как лингвистическому феномену и понятию;

– проанализировать предложенные в языкознании классификации сложных образований и определить оптимальный вариант классификации для чувашских именных композит;

– проследить исторические пути развития сложных образований в чувашском языке в соответствии с принципом «изучать факты языка в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык»;

– определить место словосложения в системе словообразования в тюркских языках, выявить и по мере возможности описать в сравнительном плане словосложительные модели для чувашского языка, охарактеризовать их с точки зрения продуктивности, частотности;

– описать социально-исторические и лингвистические факторы и мотивы образования и употребления композит;

– теоретически осмыслить переходные явления между словосложением и смежными явлениями (суффиксацией (аффиксацией), аббревиацией, фразеологией), вскрыть их общие черты и отличия;

– рассмотреть критерии разграничения сложных слов и изоморфных свободных словосочетаний и определить наиболее приемлемые из них для изучаемого языка;

– описать семантику именных композит чувашского языка в свете новейших лингвистических теорий (ономасиологический подход, теория номинации) и представить сложные слова как единицы номинации;

– проследить различия в характере связи общей семантики сложных слов со значениями их компонентов, отметить случаи изменения значений сложений, приобретения ими полисемии и т.п.;

– исследовать пути формирования смыслового содержания именных композит и осуществить их классификацию в соответствии с типом смысловой структуры;

– выявить национально-языковую специфику словосложения;

– выявить тенденции, характерные для развития словообразовательной системы современного чувашского языка.

Научная новизна исследования определяется самой направленностью поставленных целей и задач: комплексным и многоаспектным изучением именных композит в единстве их содержания и формы, языка и реальной действительности, языка и речи. Осуществляется монографическое исследование чувашского именного словосложения с последующим описанием и определением статуса данных единиц в свете новых лингвистических теорий. Это позволит закрепить за учением о сложном слове свое название – композитология – и ввести его в научный обиход. Признание автономности композитологии в рамках словообразования могло бы преодолеть коллизию в сложившейся традиции, в которой сложное слово получает незаслуженно меньшее место, чем аффиксальное словопроизводство.

Теоретическое значение исследования. Выводы диссертационной работы должны способствовать формированию целостной концепции именного словосложения в чувашском, а также тюркском языкознании. Теоретическая значимость работы заключается и в том, что именные композиты чувашского языка описаны с освещением ряда вопросов, касающихся проблемы слова, реализации в нем лексического, словообразовательного и грамматического значений, способов словообразования, аспектов его изучения, уточнения исходных принципов его анализа.

Практическая значимость работы определяется прежде всего комплексным характером исследования, результаты которого могут послужить основой при составлении спецкурсов по словообразованию, при чтении теоретических курсов и проведении семинаров по различным разделам науки о языке (лексикологии, грамматики, стилистики и т.д.), а также при создании академических грамматик, учебников и учебных пособий для вузов и школ, в терминологической работе, лексикографической и переводческой практике. Предлагаемые пути решения проблемы и методика исследования могут найти применение в практике написания студентами дипломных и научных работ.

Методологической основой исследования являются следующие положения: 1) язык является основным средством

общения людей, при этом словообразование выполняет важную роль в функционировании и развитии языка, расширяет реализацию его потенциальных номинативных возможностей; 2) развитие языка, обогащение его словарного состава, сферы и характер функционирования теснейшим образом связаны с историей народа, с его жизнедеятельностью и культурой.

В общелингвистическом плане предлагаемое исследование может быть охарактеризовано как синхронно-диахронное и типологическое. Используя в качестве основного **синхронно-диахронный метод**, мы опираемся на то понимание диахронии, когда она не отождествляется с историей (с «тем, что было»), а рассматривается как «последовательность состояний во времени»;¹ как «движение, приводящее к смене качественного состояния языка».²

Решение поставленных задач потребовало использования комплекса методов, в том числе и дополнительных.

Описание словосложения в системе именных композит чувашского языка велось в **ретроспективном** и **перспективном** планах, в соответствии с этим были использованы приемы словообразовательного анализа и синтеза, моделирования и статистической оценки, которые позволили объективно оценить закономерности формирования отдельных словообразовательных моделей.

Издавна методом изучения сложных номинативных образований была **декомпозиция**. Этот метод мы находим еще в грамматике древнеиндийского языка Панини. Он состоит в отыскании словосочетаний, синтаксически и семантически соотносимых со сложными словами (композиатами).

Конфронтационный метод изучения позволил выявить языковые феномены и на их основе установить черты сходств и различий между родственными и неродственными языками, некоторые общезыковые универсалии.

Выявление номинативных особенностей на уровне речи потребовало применения текстуального и функционального анализа. Работа содержит черты и этнографического подхода к исследуемой теме, т.е. использован **этнолингвистический метод**.

¹ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию /Ф.Соссюр. – М., 1977. – С. 114-115.

² Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке /А.И.Моисеев. – Л., 1987. – С. 101.

Объект и источники исследования. Объектом исследования послужили в основном именные композиты современного чувашского языка: повторы (редупликации), парные слова, композиты подчинительного типа следующих моделей: а) существительное + существительное; б) прилагательное + существительное; в) существительное + отглагольная форма. Избранные модели, на наш взгляд, позволяют наиболее полно представить объем и специфику чувашского именованного словосложения, поскольку они составляют его основной фонд.

Выборка проводилась из разнотипных словарей, периодических изданий. Изучение функционального аспекта значения велось на базе текстовой выборки из произведений современной художественной литературы, устного народного творчества. Привлечены также некоторые данные живой разговорной речи (диалектов), в известной мере позволяющие судить о распространенности изучаемых единиц вообще и отдельных их видов в частности.

Положения, которые **выносятся на защиту**:

– определение сложного слова (композиата) должно строиться на учете трех аспектов в словосложении (генетического, морфологического, словообразовательного);

– классификацию и типологизацию сложных образований следует проводить исходя из единых принципов той или иной классификации. Для чувашского языка классификация сложных слов **по способу образования** является наиболее приемлемой, она позволяет максимально охватить типы сложений в языке и правильно решить многие теоретические и практические вопросы, в частности, вопрос установления критериев отграничения сложных слов от изоморфных словосочетаний, вопрос орфографического оформления композит и т.д.;

– утверждение, что в основе образования большинства именных композитов в чувашском языке лежит серийное или модельное словообразование, т.е. сложные слова возникают по тем словосложительным моделям, которые уже существуют в языке; оставшая часть создается путем лексикализации словосочетаний, в подавляющем большинстве атрибутивных. Продуктивными словосложительными моделями являются следующие (они же признаны нами самими древними): а) модели создания сложных слов способом редупликации (повторение корня или основы слова); б) модели образования парных слов; в) словосложительный тип, восходящий к структурной схеме первого изафета;

г) словосложительный тип, восходящий к структурной схеме второго изафета;

– композиты создаются в языке в силу следующих социально-исторических и лингвистических факторов: а) для удовлетворения потребности общества в выражении новых понятий и явлений; б) для удовлетворения потребности рациональной организации высказываемого смысла, более точного выражения мысли; в) для выражения различных грамматических и стилистических значений;

– при этом сложные существительные являются ведущим типом композитов в разносистемных языках и являются типологической универсалией;

– наличие фонетических изменений на границе составных частей композита является одним из важных признаков возникновения сложного слова. Процесс фонетического слияния компонентов происходит медленно, это зависит от многих факторов и находится в тесной связи с звуковой системой, словарным составом и грамматическим строем языка;

– традиционная трактовка цельнооформленности для чувашского языка неактуальна. Наиболее надежными при отграничении сложных слов и словосочетаний оказываются формально-грамматические признаки. Однако для установления критериев выделения сложных слов в чувашском языке, как и во многих тюркских и нетюркских языках, недостаточно выделение в качестве рашающего какого-либо отдельного признака. Лишь комплексный подход, т.е. учет нескольких критериев, помогает правильно решить вопрос о специфических признаках рассматриваемых единиц;

– в чувашском языке, как и во многих других языках, словосложение и аффиксация представляют собой два взаимодополняющих способа слово- и формообразования. Словосложение не только дополняет аффиксацию непосредственно в процессе слово- и формообразования, но и обуславливает развитие аффиксального способа путем формирования новых аффиксов, что также определяет взаимную связь между этими двумя способами слово- и формообразования. Поэтому одной из задач является научное обоснование целесообразности исследования явления полуаффиксации как одного из путей взаимодействия словосложения и аффиксации;

– сложносокращенные слова представляют собой результат словообразования, связанного структурно и семантически со словосложением. В большинстве своем они являются детищем XX века, их появление в языке вызвано

потребностями кодирования информации, тенденцией к компрессии информации. Очень важно установить в современном языке возможности производства композитов одного типа от другого, чтобы ответить на вопрос о существовании постепенного перехода между ними;

– номинативная сущность сложных слов складывается из их знакового значения и особенностей функционирования в реальных процессах коммуникации;

– основную особенность семантики сложных слов составляет то, что общее значение композита определяется целым рядом самых разнообразных факторов, одним из которых является характер переплетения значений компонентов, который вытекает, в свою очередь, из лексических значений частей, обуславливающих также и тип композита. Воспроизводимость сложного слова предполагает наличие «номенандума», т.е. обозначения с его помощью нерасчлененного понятия, тогда как словосочетание имеет расчлененную ономаσιологическую структуру;

– именные композиты чувашского языка содержат огромный культурно-исторический потенциал. Особо значимыми в этом плане являются термины родства, названия представителей растительного и животного мира, антропонимы и топонимы. Они свидетельствуют о неповторимой специфике образного мышления народа, представляющего собой сложный ассоциативно-психологический процесс. Исследование функционирования топонимов-композигов проливает свет на проблему взаимодействия языков и является отражением общего процесса взаимовлияния и взаимообогащения языков.

Апробация работы. Основные положения данного исследования апробированы в результате выступлений с докладами и сообщениями на **итоговых конференциях** профессорско-преподавательского состава Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова и его филиалов (1982-2005 г.г.); на **научных и научно-практических конференциях** научных учреждений и других вузов г.Чебоксары: Чувашской сельскохозяйственной академии (1995-2000 г.г.), филиала Московского государственного социального университета (2000-2002 г.г.), филиала Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А.Шолохова (2002-2004 г.г.), Чувашского республиканского института образования, Чувашского государственного института гуманитарных наук; на конференциях и симпозиумах: **зональных** («Пути повышения эффективности преподавания чувашского

языка и литературы». Самара, 2001-2002; «Новые подходы в преподавании чувашского языка и литературы». Нижнекамск, 2004; «Чувашский язык и культура». Чебоксары-Ульяновск, 2004); **межрегиональных** («Внедрение закона «О языках в Чувашской республике: проблемы и опыт». Чебоксары, 2002; «Этнос и личность: Исторический путь, проблемы и перспективы развития». Москва-Чебоксары, 2003; «Национальные традиции в культуре народов Поволжья». Чебоксары, 2003); **всероссийских** («Проблемы изучения и преподавания филологических наук». Стерлитамак, 1999 г.; «Актуальные проблемы чувашского языка и литературы». Стерлитамак, 2004); **международных** («Проблемы классификации урало-алтайских языков. Языки и культура». Чебоксары, 2001; «Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками». Чебоксары, 2004; «Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра». Чебоксары, 2004).

Содержание и выводы диссертации отражены в монографиях «Именные композиты в чувашском языке» (Чебоксары, 2002); «Композитообразование в чувашском языке и его национальная специфика» (Москва, 2005); в учебном издании «Методика чувашского языка в средней школе» (Чебоксары, 2004); в 30 статьях.

Структура работы определяется ее задачами, а также логикой изложения темы исследования и анализируемым материалом. Диссертация состоит из введения, пяти глав, списка использованных словарей, заключения, библиографии, словаря-приложения сложных слов чувашского языка с переводом на русский.

Общее содержание работы

Первая глава «Сложное слово как объект исследования» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Композиты и их проблематика в языкознании» рассматривается история изучения вопроса и определяется комплекс проблем, связанных с данной темой.

Изучение СС имеет свою историю в языкознании, начинающуюся с древнеиндийских грамматик и развивающуюся в трудах лингвистов разных направлений современного языкознания.

Проблема сложных слов в отечественной науке была поставлена М.В.Ломоносовым, который понимал «сложение» (термин также введен им) в широком смысле и включал в эту группу и слова со стершейся мотивацией, т.е. являющиеся в настоящее время структурно простыми (рукоятка, рукавица), и

«совокупление» предлога и имени (порука), и собственно сложные слова (рукомойник). Последующие определения сложного слова (Ф.И.Буслаев, Ф.Ф.Фортунатов) так или иначе воспроизводят эту же мысль.

Русская лингвистика XX в. пошла дальше, введя понятие основосложения и дав классификацию сложных слов: слитные, удвоенные, грамматически сложные, составные (Ф.Ф.Фортунатов). В последние десятилетия объектом изучения становятся словообразовательная мотивация, словообразовательное гнездо, словообразовательный тип и словообразовательная система (И.С.Улуханов). Вводится понятие словообразовательного ряда и класса (Н.Д.Арутюнова, Б.Н.Головин, В.Н.Немченко, Е.С.Кубрякова).

Вопросы русского словосложения исследованы также в трудах Г.О.Винокура, А.И.Смирницкого, Е.А.Василевской, К.Л.Ряшенцева и других. Большое внимание уделено словосложению в академических и других грамматиках русского языка.

Исследователи тюркских языков давно обратили внимание на сложные образования и их группы. В работах известных тюркологов И.Гиганова, А.Казембека, О.Бетлингга, К.Насырова, В.Радлова, Н.Катанова, Н.Ашмарина и других была заложена основа для дальнейших изысканий в этой области. Весьма ценные положения по этому вопросу можно отметить в трудах А.Кайдарова, М.И.Адиллова, Т.М.Гарипова, Р.А.Аганина, С.Н.Муратова, Б.О.Орузбаевой, Н.А.Баскакова, А.Н.Кононова, Ф.А.Ганиева, Л.Ж.Жабеловой.

В чувашском языкознании словосложению до сих пор посвящались лишь разделы в общих работах по грамматике и словообразованию, а специально рассматривались только отдельные более или менее узкие вопросы словосложения, но не словосложение в целом. Данный вопрос предстал впервые в научном освещении в работах известного чувашевода Н.И.Ашмарина¹. Его исследования отличаются обширностью

¹ Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка //Н.И.Ашмарин. – Ч.2. – Казань, 1898; О морфологических категориях подражания в чувашском языке. Казань, 1928; Основы чувашской мимологии: О подражательных словах в чувашском языке. Казань, 1918; Заметки по грамматике чувашского языка //Тр. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1976. – Вып. 66; Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань, 1903; Ч. 2. Симбирск, 1923.

привлеченного материала и глубиной его анализа, однако приведенный материал последовательно не классифицирован. Автором употреблены разные термины в отношении почти одних и тех же языковых явлений: «сложные слова», «составные слова», «попарное соединение слов», «наречные выражения» и т.д.

Весьма интересными являются работы, посвященные разработке проблем чувашской орфографии.¹ Следует подчеркнуть, что исследователями нескольких поколений чувашских языковедов была создана база для фронтального изучения одного из важных лексических пластов данного языка.

Во втором параграфе «Научные предпосылки определения сложного слова как лингвистического термина» проводится мысль, что не может быть единства лингвистического определения отдельного (в том числе и сложного) слова для всех времен и языков мира уже потому, что каждый язык или система языков имеет свои специфические фонетико-морфологические, синтаксические нормы, от которых зависят форма и структура слова.

Обзор литературы по данному вопросу показал, что сама дефиниция сложного слова представляет собой большие трудности: во-первых, из-за сложности определяемого объекта, во-вторых, из-за наличия многих объектов, смежных с определяемым, в-третьих, из-за различных лингвистических воззрений и подходов к определяемому объекту. Все это делает целесообразным конкретизировать поиски дефиниции сложного слова для данного языка и принять какой-то один подход и одно направление в этих поисках.

Так, можно исходить с **морфологических** позиций, тогда всякое слово, состоящее из двух или более полнозначных элементов (корней, основ), будет сложным словом. Со

¹ Иванов А.И. Некоторые вопросы чувашской орфографии и пунктуации //Учен.зап. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1956. – Вып. 14; Пёрле, уйрám сырасси синчен шухáшлани //Учен.зап. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1966. – Вып. 32; Андреев И.А. Некоторые вопросы чувашской орфографии //Учен.зап. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1963. – Вып. 22; Типы языковой экономии и их взаимодействие в структуре чувашского языка //Изв. Академии наук Чувашской Республики. Гуманитарные науки. – Чебоксары, 1993. – Вып. 1.

словообразовательных позиций важно установить, является ли двусловное слово результатом сложения или же оно – продукт какого-то другого словообразовательного процесса. Если же опираться на такие критерии, как устойчивость, социальная валентность лексической единицы и ее воспроизводимость, то только те лексические единицы заслуживают статуса слова, в том числе сложного, которые так или иначе закрепились в словаре и воспроизводятся в речи.

Исследовательская практика лингвистов на протяжении более чем двухсот лет подтверждает необходимость различения трех аспектов в словосложении, введенного, главным образом, по соображениям логического порядка. Каждое определение по аспектам отражает существенные черты предиката (явления), отличающие их от сходных предметов или явлений. Поэтому, например, **генетическое** определение должно показать разницу в генезисе сложных и аффиксальных слов. Различие между сложными и аффиксальными словами должно отражаться также в **словообразовательном** определении сложного слова, потому последнее может быть охарактеризовано как лексическая единица, образующаяся путем подстановки в композитообразующую модель либо суммы основ (собственно модельное композитообразование), либо только одной основы при заданности второй в модели (типичное композитообразование).

При **морфологическом** определении сложных слов подчеркивается их отличие не только от слова аффиксального происхождения, но и от словосочетаний. В этом плане сложное слово – это цельнооформленная лексическая единица с неразложимым значением, единым ударением, отнесенная к одной из частей речи, состоящая чаще всего из двух знаменательных элементов, между которыми отсутствуют грамматические отношения, и соотносимая, как правило, с несколькими полностью соотносительными словосочетаниями поясняющего характера.

Определения сложного слова встречаются в трудах многих тюркологов (А.Н.Кононов, Ф.А.Ганиев, С.Н.Муратов, В.Г.Егоров и др.). Чувашский исследователь В.Г.Егоров в своей работе о словосложении дает следующее определение данной лингвистической единицы: «Сложным словом мы называем лексическую единицу, составленную из двух или более слов, находящихся в определенном семантическом отношении друг с другом, обозначающую одно определенное

понятие, по значению в большинстве случаев не тождественное с входящими в его состав частными понятиями, формально объединенную одним ударением и имеющую одно общее окончание».¹

Обзор существующей по словосложению литературы показал следующее:

1) при определении сложного слова (компози́та) современная лингвистика исходит из следующих признаков цельноформленности: а) семантическое единство при лексической знаменательности частей композита; б) грамматическое единство (морфологическое и синтаксико-функциональное); в) соотносённость со словосочетанием;

2) данная проблема охватывает следующий круг вопросов: а) генезис СС; б) цельноформленность СС; в) значение и национальная специфика словосложения; г) сложные слова и смежные с ними явления; д) научное определение СС; е) классификация СС; ж) связь словосложения с фонетическим, морфологическим и синтаксическим строением языка.

Все эти проблемы связаны как друг с другом, так и с другими смежными проблемами языкознания.

В третьем параграфе «Проблема классификации сложных слов» рассматривается вопрос классификации и типологизации сложных слов, который вызывает определенные трудности как структурного, так и семантического порядка. Задача исследователя заключается в том, чтобы правильно вскрыть общность и различие элементов, исходя из единых принципов той или иной классификации.

В научной литературе встречаются следующие классификации СС: а) по доминантности компонентов; б) по наличию или отсутствию соединительного элемента между компонентами; в) по лексико-грамматическому характеру их компонентов; г) по синтаксическим взаимоотношениям компонентов; д) по семантическим основаниям.

Среди тюркологов существует мнение, что сложные слова можно классифицировать по структуре, составу, семантике, происхождению компонентов, способам связи, утвердившимся в языках законам образования. Однако указанные признаки охватывают не все их виды. Например, при классификации по структуре, а также способам связи

компонентов или по синтаксическому признаку вне классификации остаются такие виды сложных слов, как слова-повторы и сложносокращенные слова. Некоторые признаки, как, например, семантика, состав и происхождение компонентов, могут служить основанием для внутривидовой классификации, в частности, для классификации собственно сложных слов. Нам представляется наиболее приемлемой классификация сложных слов по способу их образования. По этому признаку можно выделить следующие группы сложных слов в современном чувашском языке:

1) повторы, образующиеся путем повторения одного и того же слова или его части: *вёт-вёт (сумӑр)* «моросящий (дождь)», *парне-сарне* «подарки и прочее», *кал-кал (ёç)* «ладная (работа)», *тун-тун* «назв. детской игры», *хам-хам* «детское название собаки»;

2) парные слова, образованные путем спаривания (сочетания) двух разных основ без изменения показателей грамматической связи: *çăкӑр-тӑвар* «еда, угощение», *сывлӑх-чӑрлӑх* «здоровье, благополучие», *килен-каян* «посетители», *кил-йыш* «семья»;

3) сложные слова, структурно организованные по моделям определительных словосочетаний (самая многочисленная группа): *сулпус* < *сул пусӑ* «вождь, предводитель», *çаматӑ* «валенки», *сарлут* «веснушки», *хуратул* «гречиха», *виçура* «таган, треножник»; *акатуй* «весенний праздник урожая»;

4) собственно сложные слова, образованные в результате опрощения основ определительных словосочетаний: *пыскапи* < *пысӑк али* «крестная мать», *çатмарӑçи* < *çатма аври йывӑçи* «сковородник», *кӑçатӑ* < *кӑçсе атӑ* «валенки», *хушамат* < *хушма ят* «фамилия», *çапари* < *çава аври* «косовище»;

5) сложносокращенные слова, образованные сокращением всех или части слов-компонентов: *соцпулӑшу* (< *социаллӑ пулӑшу*) «социальная помощь», *вӑрманхуç* (< *вӑрман хуçалӑхӗ*) «лесное хозяйство», *телеюрӑ* (< *телевидени юрри*) «телепесня», *информкӑларӑм* (< *информаци кӑларӑмӗ*) «информационный выпуск»;

6) сложносокращенные слова, образованные путем сложения и одновременной аффиксации: *малкурӑмлӑх* «дальновидность», *ӑшпиллӑх* «милосердие», *хӗвелçаврӑнӑш* «подсолнух», *тӗлпулу* «встреча», *астӑвӑм* «память», *тавракурӑм* «кругозор».

¹ Егоров В.Г. Словосложение и значение его в истории языка // В.Г.Егоров. – Учен.зап. Чуваш. гос. пед. ин-та. – Чебоксары, 1953. – Вып. 1. – С. 15.

Разделение сложных слов на определенные виды и выявление специфических свойств и признаков, отличающих их друг от друга, имеет большое теоретическое и практическое значение. Оно позволяет конкретно судить о каждом их виде, всесторонне изучить специфические свойства и признаки, отличающие тот или иной вид от других сложных единиц.

В четвертом параграфе «Из истории возникновения и развития композитов» прослеживаются пути развития сложных образований: повторов, парных слов и остальных типов сложных слов.

Повторы, или редупликации, характерны для всех языков мира независимо от их строя и системы. Основные способы образования и семантическая общность редуцированных слов в целом идентичны во всех тюркских и нетюркских языках. Это свидетельствует об универсальности данного явления с типологической точки зрения. Карл Бюлер, известный австрийский лингвист и психолог, полагает, что «этот способ словотворчества очень естественен и потому, вероятно, очень древен».¹ Он считает, что самыми древними в языке являются слова, детские по происхождению. Именование средствами языка младенца первыми получают отец, мать, ребенок, материнская грудь, материнское молоко, рот, кукла. Речь также идет о таких действиях, как сосать, есть, говорить, баюкать, качать, ласкать, щекотать. Сказанное с полным основанием можно отнести и к чувашскому языку. Примерами являются следующие факты: *лапа* «младенец», *мамме* (*мама*) «хлеб», *ням-ням* «кушать», *туту* «машина», *тетте* «игрушка», *тутту* «молоко», *пиши* «боль», *хам-хам* «собака» и т.д.

Логично полагать, что наиболее древний вид повтора – это полный повтор (повтор одной и той же единицы). Удвоенные образования встречаются почти во всех орхон-енисейских и средневековых тюркоязычных памятниках, притом всюду парные слова и повторы соседствуют (см. работы Н.К.Дмитриева, А.Т.Кайдарова, В.Г.Егорова и др.).

Возникновение в языке парных слов можно считать дальнейшим развитием повторения корня или основы слова. Как и всякий способ, применяемый языком, способ удвоения расширял свои возможности для удовлетворения потребностей в выражении лексических и грамматических значений.

¹ Бюлер Карл. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Карл Бюлер. Пер. с нем. – М., 2000. – С. 190.

«Модели образования повторов сыграли определяющую роль в формировании парных слов как самостоятельного разряда лексических единиц с обобщающим значением множественности, соотносительной с грамматическим значением суффикса *-лар*», – справедливо, на наш взгляд, утверждает Н.Абдурахманов.¹ Иллюстративным материалом для данного случая могут послужить следующие примеры из чувашского языка: *атте-анне* «родители», *нуша-асап* «мучения, невзгоды», *ут-лү* «тело, туловище», *уйран-турăх* «продукты из кислого молока» и т.п.

Среди парных слов встречаются образования с компонентами, утратившими исконные лексические значения: *юмăс-тёрёс* «ворожеи, знахари», *хылар-хăнар* «слухи, небылицы», *савăт-сапа* «посуда» и т.д. Большинство исследователей полагает, что образования эти древнейшего происхождения. Т.А.Дегтярева, в частности, отмечает следующее: «Эти парные сращения возникают в эпоху межплеменных контактов, когда создается необходимость использовать разноплеменную, а иногда разноязычную лексику с целью сделать высказывание понятным для носителей разных родственных языков».² Думается, что следы взаимодействия различных тюркских и нетюркских языков в далеком прошлом сохранились и в парных образованиях: *хула-шехер* «общее название городов», *түре-шара* «административные служащие», *тимёр-тăмёр* «железо и тому прочее» (в чувашском языке «*тăмёр*» в качестве осмысленного слова не встречается, между тем оно со значением «железо» бытует в других тюркских и монгольских языках).

Язык постоянно пополняет свой словарный запас, путь обогащения лексики языка за счет использования внутренних ресурсов является очень емким и экономным. Слова приобретают новые формы и категории потому, что новые социально-экономические условия и развивающееся соответственно им мышление требуют этого. Именно этот закон является движущим моментом в развитии новых функций и значений разных типов слов и сложных образований. По мнению чувашского исследователя В.Г.Егорова, в ходе

¹ Абдурахманов Н. Парные слова в тюркских языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.Абдурахманов. – Алма-Ата, 1975. – 7 с.

² Дегтярева Т.А. Пути развития современной чувашской лексики / Т.А.Дегтярева. – М., 1964. – С. 136.

исторического развития чувашского языка основной словарный фонд служил и служит источником словообразовательной и словотворческой деятельности народа: «Новые природные слова продолжали образовываться здесь на базе основного словарного фонда. Например, чувашки, впервые ознакомившись с ртутью, по первому впечатлению назвали ее *чёркёмёл*, воспользовавшись словами основного словарного фонда: *кёмёл* – серебро, *чёрё(чёр)* – живой; следовательно, ртуть – живое серебро; *урай* – пол (*ура* – нога, *айё* – ее низ, т.е. подножие)».¹

Психологическую трактовку этих образований мы вновь находим у К.Бюлера: «Изначальная позиция генетива во всех языках – это его препозиция. Психологически неизбежно она возникает вследствие того, что генетив представляет собой при образовании понятий (видового различия) до сих пор неизвестное, и теперь новое, позволяющее сформировать из какого-то уже знакомого понятия, некоего «рода», какой-нибудь новый «вид», привлекая к себе внимание в первую очередь именно как новое, генетив произносится сначала, раньше, чем «управляющее» им существительное в номинативе, представляющее род в таковом качестве нечто уже знакомое».²

Весь наш материал показывает, что данный путь развития лексической системы является живым и продуктивным, и в дальнейшем он, безусловно, будет питать лексическую систему и чувашского языка.

Вторая глава «Структурно-словообразовательная характеристика сложных имен существительных» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Лингвистическая природа сложных слов в системе словообразования в тюркских языках» рассматриваются разные точки зрения по вопросу о способах образования сложных слов.

Большинство исследователей по давно сложившейся в тюркологии традиции (см. работы: Баскаков, 1952; Севортян, 1952; Адилов, 1958; Гарипов, 1959; Муратов, 1961; Мусаев, 1964; Орузбаева, 1964; Ганиев, 1982) рассматривает

¹ Егоров В.Г. Словарный состав современного чувашского литературного языка /В.Г.Егоров // Учен.зап. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары, 1953. – Вып. VIII. – С. 82.

² Указ. раб., с. 302.

сложные слова как результат синтаксического способа словообразования, в соответствии с которым «всякое сложное слово либо представляло в прошлом словосочетание, либо было построено по модели словосочетания прошлого времени».¹

Ученые, отрицающие синтаксическое толкование природы сложных слов, считают, что в основе образования большинства из них лежит *серийное, или модельное, словообразование*. Из новейших исследований в области словообразования в тюркских языках наиболее последовательно рассмотрена природа сложных слов в работах А.А.Юлдашева², Л.Ж.Жабеловой.³ «Формируется модель не из словосочетаний и их структурных моделей, а на базе готовых сложных слов, имеющих единое словообразовательное строение и типовое значение», – утверждает, в частности, А.А.Юлдашев.⁴ Мы придерживаемся этой точки зрения и считаем, что в чувашском языке, как и в других тюркских языках, большинство сложных слов создано и создается преимущественно по старым образцам, по аналогии с теми моделями, которые уже давно существуют в языке и принадлежат к регулярным и продуктивным или малопродуктивным моделям.

Самыми продуктивными словосложительными моделями для чувашского языка оказались следующие: а) модели образования парных слов; б) модели создания сложных слов способом морфологизированной редупликации; в) словосложительный тип, восходящий к структурным схемам первого и второго изафета. Далее идет более обстоятельная характеристика каждой из этих моделей.

Парные слова и повторы описаны во *втором параграфе «Сложные слова, образованные на основе сочинительных отношений (копулятивные композиты)»*.

¹ Жирмунский В.М. О границах слова / В.М.Жирмунский //Морфологическая структура слова в языках различных типов. – М.; Л., 1963. – С. 23.

² Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей /А.А.Юлдашев. – М., 1972.

³ Жабелова Л.Ж. Сложные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке /Л.Ж.Жабелова. – Нальчик, 1986.

⁴ Указ. раб., с. 189.

Специального монографического исследования парных слов в чувашском языке не проводилось. Относительно полная характеристика природы чувашских парных слов содержится в статье И.П.Павлова.¹ Оспаривая мнение некоторых языковедов относительно словообразующей функции модели парных слов, автор делает следующий вывод: «Все данные говорят о том, что парные слова являются одним из видов словообразования в чувашском языке».²

Среди парных существительных с точки зрения лексико-семантического соотношения компонентов выделяются следующие модели:

1. **Синонимичные парные слова.** Характерной их особенностью является наличие в них обобщающего собирательного значения, вытекающего из соединения названий конкретных предметов и явлений действительности: *вай-хал* «сила, мощь», *тёп-йăх* «род, родня», *чашăк-тирĕк* «посуда вообще», *уй-хир* «поля, пашни, нивы».

Компонентами большинства синонимичных парных слов выступают слова, относящиеся к общетюркской лексике, встречаются и иноязычные заимствования: *вут-кăвар* «огонь вообще», *укса-тенкĕ* «деньги вообще», *вай-хăват* «сила, мощь», *ăс-хакăл* «умственные способности, разум», *шăпа-ăраскал* «судьба, фортуна».

2. **Антонимичные парные слова.** Антонимы в составе парных слов способны иметь те имена, которые выражают качественный признак: это, главным образом, существительные с контрастными значениями времени, пространства, возраста, пола и т.д.: *ватă-вĕтĕ* «и стар и млад», *нуша-ырлăх* «горести и радости», *кун-сул* «жизнь, жизненный путь», *ай-си* «верх и низ», *суту-илу* «торговля».

Антонимичные парные существительные могут образовываться и от некоторых глагольных форм, которые выступают в определенном морфологическом оформлении, что и позволяет рассматривать их как специальную словосложительную модель. Производящая основа принимает здесь строго определенную форму, например, форму причастия настоящего времени, которая употребляется субстантивно: *килен-каян* «посетители», *кĕрен-тухан*

¹ Павлов И.П. Парные слова в современном чувашском языке //Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. – Чебоксары, 1988. – С. 56-77.

² Указ. раб., с. 57.

«посетители, навещающие», *усен-тăран* «растения вообще», *шăтан-юхан* «всякого рода чирье». Антонимичные парные существительные фиксируются и в других тюркских языках: в татарском (*алыш-биреш* «купля-продажа», *юк-бар* «ерунда-мелочи», *ут-су* огонь и вода); в карачаево-балкарском (*жер-су* «земельные угодья, необходимые для ведения хозяйства», *кьул-бий* «господа и рабы»).

3. **Ассоциативные парные существительные.** Эта группа является более многочисленной по сравнению с первыми двумя. Семантически компоненты ассоциативных парных слов соотносятся друг с другом как видовые понятия, объединяемые в более общие родовые понятия: *хёс-пăшал* «оружие вообще», *тута-çăвар* «ротовая область», *сурпан-масмак* «жемские украшения», *хур-кăвакал* «домашняя птица», *ёсĕ-сикĕ* «празднество, веселье».

К рассмотренным выше трем разновидностям парных слов следует отнести еще две группы образований, фиксируемых в исследуемом языке:

1) **парные слова с компонентами, утратившими лексические значения:** *күршĕ-аршă* «соседи, шабры», *хыпар-хăнар* «слухи вообще», *яш-кĕрĕм* «молодые люди», *хĕн-хулăр* «болезни, мучения», *усал-тĕсел* «нечистая сила, все дурное» (в современном чувашском языке вторые компоненты этих парных слов самостоятельно не употребляются).

В качестве вторых повторяющихся компонентов могут употребляться также слова с затемненной семантикой: *пухча* (*тупра-пухча* «нажитое имущество»; *укса-пухча* «деньги, капитал»); *хăмăр* (*хурт-хăмăр* «пчелы и тому подобное»; *çурт-хăмăр* «усадыба»; *хурăнташ-хăмăр* «родня»); *кўп* (*йып-кўп* «окружение, сослуживцы»; *кўрĕш-кўп* «соседи, односельчане»); *сарма* (*ана-сарма* «полевые угодья»; *урапа-сарма* «телега и тому подобное»; *витре-сарма* «ведра и тому прочее»; *сўпсе-сарма* «тара вообще»; общее название деревянных кадок и сундуков для хранения белья и платьев»); *тĕсел* (*тăшман-тĕсел* «враги, недруги»; *усал-тĕсел* «зло и тому прочее»); *качка* (*йытă-качка* «собаки и тому прочее»; *шăмă-качка* «кости и тому прочее»; *сăмах-качка* «разговоры вообще», *лаша-качка* «кони и тому прочее», *укса-качка* «деньги и тому прочее», *ура-качка* «ноги и тому прочее», *тăла-качка* «портянки и тому прочее»); *вĕрле* (*хăна-вĕрле* «гости вообще»; *хурăнташ-вĕрле* «родственники»); *шанкă* (*вут-шанкă* «топливо»; *шăмă-шанкă* «туловище, скелет, все тело (исключая внутренности)»; *сўп-шанкă* «сор вообще, отбросы при производстве»; *шор-шанкă* «лутошко

без корья»); *кёрём* (*яш-кёрём* «зрелые молодые люди»; *самра́к-кёрём* «молодежь»); *масарё* (*пурчё-масарё* «дом и все остальное»; *ятали-масарё* «нажитое»).

Подобные примеры встречаются и в татарском языке: *кеше-масар* «какой-либо человек», *буре-масар* «какой-нибудь волк», *кеше-кара* «какой-либо человек», *эйбер-кара* «какая-нибудь вещь». Видимо, в далеком прошлом они употреблялись как лексические единицы с полной мотивирующей семантикой. Об этом свидетельствуют этимологические словари.

2) **парные слова с общим вторым компонентом мён** (от местоим. мён «что»): *Шурла́ха-мёне лекессе те па́хман* (Юхма) «Болотистые места его не запугали»; *Кунта хуралца́-мён сук* (Элкер) «Сторожа-охранника здесь не встретишь»; *Пасарта-мёнре тел пулсассан* «Авось, встречу где-то на базаре».

Таким образом, в современном чувашском языке можно выделить пять основных структурно-семантических типов парных имен существительных.

С точки зрения структуры в чувашском языке выделяются следующие модели удвоения:

1) **удвоение в одинаковом звуковом оформлении** (чистый повтор): *ва́хят-ва́хят* «изредка», *каш-каш* «вечерами», *вёт-вёт* «морозящий» (о дожде), *маттур-маттур* «молодцы»;

2) **удвоение в деформированном звуковом оформлении** (частичный, дивергентный повтор): *майра-шайра* «бабье», *парне-сарне* «подарки и тому подобное», *вёчэ-хёчэ* «злость, злоба», *йа́ла-па́ла* «нравы и порядки»;

3) **удвоение, происходящее при участии аффиксов и служебных слов** (афигированный, усложненный повтор): *ушкәнән-ушкәнән* «группами», *ва́хят-ва́хятла* «время от времени», *пуш-пушах* «совершенно пустой», *ывсән-ывсән* «горстями»; *вай тесен вай* «сила так сила», *кайяк тесен кайяк* «птица так птица», *сын та сын* «люди и люди», *са́мах хысся́н са́мах* «слово за слово».

Афигированные повторы свойственны и другим тюркским языкам, в том числе и татарскому: *турыдан туры* «непосредственно», *элек-электән* «издавна», *урынлы-урынсыз* «неуместно», *телдән-телге* «из уст в уста».

Далее раскрываются словообразовательная и грамматическая функции повтора в чувашском языке. Отмечается, что образование слов путем редупликации составляет самостоятельный подтип словообразования и входит в состав словосложения в качестве его конституанта.

В образовании имен существительных наблюдается активное участие так называемых изобразительных слов: *куккук* «кукушка», *чакак* «сорока», *ту́н-ту́н* «жмурки», *ту́тту́т* «дудка», *ва́сива́с* «божья коровка» и т. д. Определенный процент существительных и прилагательных создан в результате дивергентного удвоения: *вётёр-шакёр* «мелочь, детвора», *карчак-кёрчэк* «старушки», *йёрэх-ярэх* «языческие боги, нечистая сила», *акэш-макэш* «необычайный, необыкновенный», *кайтта́-кайтта́* «плохой, никудышный». Наречия также создаются и в результате звуко- и образно-подражательных и дивергентных повторов: *ка́р-ка́р сунать* «хорошо горит», *ёс кал-кал пырать* «работа идет споро, дружно», *илём-тилём* «на рассвете», *ка́лин-ка́лин* «туда-сюда».

Грамматическая функция повтора в чувашском языке, как и в других тюркских, представлена всеми их разновидностями. Повторы выражают расчлененное или собирательное множество предметов, значение неопределенной множественности с оттенком уничижительности, интенсивности и усиления.

В третьем параграфе второй главы «Сложные слова, образованные на основе подчинительных отношений (детерминативные или атрибутивные композиты)» описываются модели атрибутивных именных композит, которые структурно организованы по моделям определительных словосочетаний (в традиционной трактовке).

По мнению А.И.Смирницкого, «атрибутивная связь по своей прочности, по силе «сцепления» между ведущим и зависимым словом приближается к связи лексического характера. Атрибутивный комплекс стоит на грани сложного слова».¹ По характеру отношений между компонентами детерминативные композиты соотносятся с именными и отчасти – глагольными основами. Основными словосложительными типами являются следующие:

1. **Сложные существительные, образованные по структурной схеме первого изафета.** Они представляют собой паратактическое сочетание определяемого и определяющего компонентов без специального морфологического оформления, которым присуще простое соположение основ. Собранный нами материал свидетельствует, что сложные существительные данного типа представляют собой терминологическую лексику самого различного профиля: конкретные наименования

¹ Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка / А.И.Смирницкий. – М., 1957. – С. 176.

предметов; названия человека и частей его тела; названия родственных отношений; названия птиц и растений, животных, рыб, насекомых; названия жилищ и вещей в доме; названия орудий труда и их деталей; названия различных понятий, связанных с этнографией и историей народа. Фактический материал чувашского языка свидетельствует о наличии в языке целых групп образований с повторяющимися компонентами. Наиболее продуктивными частными словосложительными моделями являются модели со вторыми повторяющимися компонентами *пуç* «голова», *күç* «глаз, глаза», *ай* «низ, подножие», *си* «верх, верхняя часть», *ум* «перед, передняя часть».

Известно, что в древние периоды развития языка слова были менее осложнены аффиксами. Образование сложных слов из двух существительных без каких-либо формантов не является чем-то исключительным и для чувашского языка. По этому поводу чувашский исследователь Н.А.Андреев пишет: «В строгой взаимосвязи с корневым состоянием лексики выработался грамматический строй языка в древнейшую эпоху. Этот строй, несомненно, находился долгое время в аморфном состоянии. При нем связи слов в предложении выражались не морфологическими средствами, а расположением слов в предложении. ...Помимо непосредственного аморфного сочетания слов, несомненно, было такое же аморфное сочетание слов при помощи особых вспомогательных, служебных аморфных слов. При именах употреблялись вспомогательные слова, выражающие местопребывание (внутри, вне, в стороне, впереди, позади, внизу, вверху и пр.), направление (к месту или предмету, от места или предмета), зависимость или принадлежность и другие понятия отношения».¹ Представляется, что абсолютное большинство сложных существительных этого типа в период своего возникновения имели ту же структуру, которую они имеют в настоящее время.

2. **Сложные существительные, образованные по структурной схеме второго изафета.** Они предполагают оформление второго компонента аффиксами притяжательности 3-го лица

1. ¹ Андреев Н.А. Ядро основного словарного фонда чувашского языка / Н.А.Андреев // Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. – Чебоксары, 1953.– Вып. 8.– С. 149-166.

единственного числа *-е* и *-и*. Для чувашского языка этот способ образования сложных существительных является также весьма продуктивным. Широко представлены названия растительного и животного мира, названия частей человеческого тела, названия болезней; термины, связанные с разными областями материально-хозяйственной деятельности человека.

Одним из древнейших в группе образований с аффиксами *-ё* являются, на наш взгляд, названия божеств, старинных праздников и обрядов: *хёвел ашшё*, *хёвел амашё*, *хаяр ашшё*, *хаяр амашё*, *сил сехмечё*, *сил синкерё* (названия божеств), *вăкăр чўкё* «название полевого моления», *така чўкё* «принесение в жертву барана» и т.д.

Довольно продуктивную группу составляют образования со вторыми повторяющимися компонентами *йывăç* «дерево», *чечек* «цветок», *курăк* «трава», *утă* «трава; сено», *вăрман* «лес», *кайăк* «птица», *чир* «болезнь». Чувашскими исследователями отмечается, что в образованиях данного типа часто наблюдается выпадение притяжательного аффикса: *мăк курăкё* > *мăк курăк* «липайник», *ăвăс кăрăçё* > *ăвăс кăрăç* «подосиновик». Мы же склонны считать, что многие подобные названия изначально были оформлены без притяжательного аффикса, т.е. образованы по структурной схеме первого изафета.

Сложные существительные, образованные по структурной схеме второго изафета с аффиксами *-и* представлены по следующим лексико-семантическим группам:

а) **названия частей человеческого тела:** *ал сыппи* «запястье», *ура сыппи* «щиколотка», *ура туни* «голень», *пит шăмми* «скулы», *шăл туни* «десна»; б) **термины материальной культуры:** *хăй чикки* «светец», *куç кёски* «маленькое зеркало», *ал сулли* «ожерелье», *майра йёппи* «булавка», *ал туйи* «палка, трость»; в) **названия древних божеств, обрядов:** *уй турри* «бог загона, полевое божество», *сил ачи* «дитя ветра», *шыв пұлехси*, *шыв турри* «бог воды», *ёне ырри* «молозиво», *хёр йёрри* «плач невесты», *хёр яшки* «название обрядового кушанья»; г) **названия представителей растительного и животного мира:** *вăкăр хўри* «подорожник», *су йывăçси* «маслина», *шур сырли* «клюква», *йыт пырпи* «полевой выюнок», *хыр тăрри (чăрăш тăрри)* «хвощ полевой», *йыт пулли* «головастик», *шыв вăкри* «выпь», *сырма шампи* «голец (рыба)».

О древности происхождения данного словосложительного типа свидетельствует тот факт, что именно этот тип чаще

всего подвержен разным фонетическим модификациям (*ула́м ури* > *улмури* «стог соломы», *ыхра ути* > *ухрути* «дикий лук») и что именно в этом типе встречаются чаще всего архаичные компоненты с затемненной мотивировкой: *ва́й питти* «крепкий, полный сил», *кив питти* «ветошь», *йыт хуххи* «название кустарника», *хя́яр асси* «уродливый огурец», *хур асси* «уродливый гусенок» (в современном чувашском языке вторые компоненты самостоятельно не употребляются).

Данный словосложительный тип находит аналогии и на уровне живого синтаксиса словосочетаний современного чувашского языка. Функции и значения первых компонентов, выступающих как атрибут, могут быть весьма разнообразными (родовые понятия, предназначение, время, место, материал и т.д.). В терминотворчестве изафетные конструкции проявляют большую активность и в других тюркских языках. Исследователь М.З.Закиев детально характеризует три типа изафета применительно к татарскому языку и устанавливает шестнадцать разновидностей этих отношений.

В современном чувашском языке в терминотворчестве также активно проявляет себя далеко не малопродуктивная модель «отглагольное имя существительное на *-у(-у)* + существительное с притяжательными аффиксами *-ё*, *-и*. «Так, например, именно по этой модели созданы многие лингвистические термины: *пару падеж* «дательный падеж», *туху падеж* «исходный падеж», *чаряну палли* «знак препинания», *ййту палли* «вопросительный знак», *кашкяру палли* «восклицательный знак», *калашу чёлхи* «разговорный стиль», *тавра́ну залогё* «возвратный залог», *ка́рту наклоненийё* «изъявительное наклонение», *хушу наклоненийё* «повелительное наклонение» и т.д. Образуются термины и из других областей жизнедеятельности человека: *а́шату хатёрсем* «нагревательные приборы», *ённеру́ хучё* «удостоверение», *пантару хучё* «доверенность», *а́сату касё* «выпускной вечер», *ййша́ну кунё* «приемный день», *сы́клану меслечёсем* «средства защиты», *пу́сару ушкя́нё* «инициативная группа», *хушу палли* «знак сложения», *та́вару техники* «поливальная техника», *ятла́шу са́махёсем* «бранные выражения» и т.д.

3. **Субстантивные сложения с адъективным первым компонентом.** Данный тип подразделяется на три разновидности: 1) сочетание качественного прилагательного с существительным; 2) сочетание относительного прилагательного с существительным; 3) сочетание числительного с существительным.

В первой группе в качестве начального компонента чаще всего выступают прилагательные со значением цвета. Это могут быть названия птиц (*саркайя́к* «иволга», *шурку́т* «стриж»), грибов (*хура ка́мпа* «чернушка», *хёрлё ка́мпа* «рыжик»), деревьев и растений (*шур ча́раш* «шихта», *ка́вак чечек* «василек», *хура тул* «гречиха»). Вовлечение цветowych прилагательных в качестве первого компонента в образование сложных существительных является одним из наиболее древних способов образования новых слов. Об этом свидетельствует их распространенность во всех тюркских и иных языках. Компоненты с цветовым значением нередко встречаются и в составе терминов родства: *сар бы́а́л* «младший брат мужа», *сар хёр* «вторая сестра мужа», *шур бы́а́л* «пятый деверь».

Ко второй группе нами отнесены сложения с относительными прилагательными с разными аффиксами в качестве первого компонента: а) с аффиксом *-ла́(-ле)*: *карталла́ укса* «монета, украшенная по краям рядами точек», *канта́кля́ су́ха* «ворот с вырезом», *касулла́ чир* «корь»; б) с аффиксом *-ла(-ле)*: *та́рэхла сак* «длинная широкая лавка вдоль стены», *те́ренле ана* «загон в виде клина», *карча́кла ута́* «старушечья походка»; в) с аффиксом *-са́р(-се́р)*: *ятса́р пу́рне* «безымянный палец», *саря́мса́р вилём* «трагическая смерть», *каля́лса́р чёлхе* «невоздержанный на язык»; г) с аффиксом *-ла́х(-ле́х)*: *высла́х сул* «голодный год», *ватла́х кун* «старость»; д) с аффиксом *-ри (-ти, -чи, -хи)*: *кайри хура́нташ* «отцовская родня», *килти вы́льа́х* «домашний скот», *ирхи апат* «завтрак», *се́рлехи кайя́к* «сова», *ёмёрхи ша́н* «вечная мерзлота».

Третью группу составляют существительные и наречия, образованные путем сочетания числительных с именем существительным. Наиболее продуктивными являются числительные *пёр* «один, одна, одно»; *се́р* «сто»; *сич* (ё) «семь»; *сурма* «пол-, половина»: *пёрмай* «постоянно», *пёр та́ван* «родственник», *се́рхут* «книжка, один из четырех отделов желудка у жвачных животных», *се́р ура* «многоножка, мокрица», *сич ту́пе* «зенит», *сич ют* «дальняя, чужая сторона», *сурутрав* «полуостров», *сурпилёк* «пол

загона», *сурсёр* «север». Некоторые числительные встречаются в единичных примерах: *ултура* «шестерня», *висура* «таган, треножник», *утмалтурат* «василек», *хёрёх чёрне* «беременная женщина».

4. Сложные существительные, образованные сочетанием имени с отглагольной формой.

С точки зрения семантики данные образования отличаются разнообразием значений слов. Наиболее ярко выделяются номинации общественно-бытовых представлений человека (слова, обозначающие предметы материальной жизни и их применение; занятия, обычаи, связанные с его общественно-социальной практикой, связанные с религиозно-научными представлениями о жизни, долге).

Здесь выделяются следующие частные словосложительные модели: а) модель «сущ. + отглагольное имя на *-ш*, *-эш(-ёш)*, *-мэш(-мёш)*: *хёвелсаврэнэш* «подсолнух», *пусусаврэнэш* «севооборот», *пусватмэш* «головоломка», *алылмаш* «взаимная помощь при работе»; б) модель «сущ. + отглагольное имя на *-ас(-ёс)*: *хёвелтухас* «восход, восток», *хёвеланас* «заход, запад», *пыранас* «сладкоежка»; в) модель «инфинитив на *-ма(-ме)* + имя сущ.»: *ларма хёр* «девушка, которая гостит у своих родственников с работой», *юхма икёрчё* «блины из жидкого теста», *тэратма сатан* «часть кол», *утма сул* «тропинка»; г) модель «деепричастие на *-а(-е)* + имя сущ.»: *карма савар* «крикун, болтун», *йуле пёсехе* «грудь нараспашку», *йёре ача* «плакса»; д) модель «сущ. + субстантивированная форма причастия прошедшего времени с аффиксом *-и*». В силу высокой продуктивности этой модели в языке встречаются образования самого широкого диапазона употребления. Самыми древними, видимо, являются названия обрядов, праздников: *хёр каларни* «умыкание невесты», *хёве хупни* «название свадебного обряда», *салам ирттерни* «название поминального обряда», *кэмрэк яни* «название гаданья», *ят хуни* «обряд наречения имени ребенку», *хаяр укни* «сглаз», *йёрёхе ёненни* «идолопоклонство» и т.д.

Довольно многочисленны названия болезней (*шәнёр туртни* «судороги», *кэкёр хёртни* «изжога», *юн кайни* «кровотечение», *улке шысни* «воспаление легких», *варвитти* «расстройство желудка»), названия, относящиеся к состоянию человека и природы (*кэмал писни* «охлаждение к кому-

либо», *кэмал туртни* «душевное тяготение», *кас пулни* «сумерки», *пёр кайни* «ледоход», *хёвел анни* «заход солнца», *хёвел тухни* «восход солнца», *там укни* «заморозки» и т.д.). В «Орфографическом словаре»¹ мы обнаружили целый ряд образований с усеченной формой причастия на *-и*: *аса саппи*, *уйах куппи*, *пёве татти*, *кас пултти*, *сисём сисси*, *тул сутти*, *кавак хуппи* (обозначают разные состояния природы); *аш писси*, *чун кутти*, *пус пётти*, *чёре усси*, *аш хыппи*, *чёре сури* (обозначают разное состояние человека). Нам представляется, что это – древние образования;

В отдельную группу можно выделить композиты, в основе которых лежит сочетание существительного с отглагольным именем деятеля (указывающим на профессию): *пир тавакан* «овчинник», *тырă выракан* «жнец», *кантэк лартакан* «стекольщик», *камака тавакан* «печник» и т.д. А.А.Юлдашев отмечает, что такие образования еще не стали сложными словами, но сближаются с ними по своим функциям, и потому «нельзя ставить их в один ряд с собственно сложными словами, так как они входят в определенный разряд словосочетаний»². Мы разделяем данную точку зрения, полагая, что некоторые из них находятся на стадии лексикализации, как, например, *сулсурен* «путешественник», *шывтэкан* «водолей», *пёрсёмрен* «ледокол», *куспэван* «гипнотизер», *силхэван* «ветрогон, легкомысленный».

Отдельную группу составляют именные композиты, образованные путем сложения и одновременной аффиксации. Наиболее продуктивными являются словообразовательные модели с аффиксами *-лэх (-лёх)*: *ашпиллэх* «милосердие»; *алэггалэх* «кустарный промысел»; *малёмётлэх* «перспективы»; *хутпёлменлэх* «неграмотность»; *сурсуллэх* «полугодие»; *пёртанлэх* «равноправие»; *-у (-ү)*: *тёл пулу* «встреча»; *алсыру* «рукопись»; *таврапелу* «крутозор»; *ят пару* «номинация»; *сёрйёркелу* «землеустройство» и т.д.

Таким образом, по происхождению сложные слова в чувашском языке можно разделить на следующие группы:

1) сложные слова, возникшие на основе уже существующих словообразовательных моделей (их большинство);

¹ Виноградов Ю.М. Орфографический словарь. Тёрёс сырмали правиласем / Ю.М.Виноградов, Г.М.Виноградова. – Шулапшкар, 2002.

² Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей / А.А.Юлдашев. – М., 1972. – С. 197.

2) сложные слова, явившиеся результатом перерастания синтаксических словосочетаний в лексические образования (лексикализация словосочетаний).

Различие между первой и второй группами сложных слов заключается в том, что образование сложных слов второй группы не имеет типового характера, образование же сложных слов первой группы носит обобщенный характер. Слова, образующиеся из словосочетаний, проходят длительный путь развития, а слова, возникшие или возникающие по моделям, часто являются фактом мгновенного словопроизводства. Для образования сложных слов по моделям достаточно двух условий: 1) наличие моделей в языке и 2) потребности в новом сложном слове.

Третья глава «Мотивы и факторы композитообразования» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Социально-исторические факторы образования и употребления композит» анализируются факторы и мотивы образования и употребления композит. Наиболее существенными из них, на наш взгляд, являются следующие:

1. **Потребность общества в языковом выражении новых понятий и явлений.** На потенциальные возможности языка реализовывать средства номинации за счет внутренних ресурсов указывают многие лингвисты. Для чувашского языка также характерны эти процессы, которые проявляются, в частности, композитообразованием в различных сферах речевой деятельности – деловой, профессиональной, разговорной. Примером тому может служить появившийся недавно словарь чувашского исследователя Г.А.Дегтярева.¹ В нем мы можем найти новообразования-композиты, моделями для которых послужили описанные нами выше словообразовательные типы: а) созданные по словообразовательной модели первого изафета (*автопасар* «авторынок», *автотярм* «автостоянка», *авточулу* «автогонки», *биоуй* «аура, биополе», *видеокёпер* «видеомост», *видеокеру* «видеосюжет», *евроюсав* «евроремонт», *киносалтяр* «кинозвезда», *телесалтяр* «телезвезда»);

б) созданные по словообразовательной модели второго изафета (*ар вайсарлахё* «импотенция», *вырсарни шукулё* «воскресная школа», *иммун тытамё* «иммунная система», *кун кёнеки* «дневник», *кофе арманё* «кофемолка»);

¹ Дегтярев Г.А. Чăваш чĕлхин сĕнелĕх словарь / Г.А.Дегтярев. Т. 1. А–П. – Шупашкар, 2003.

в) образованные сочетанием имени с отглагольной формой (*яспару* «наставление», *вайвицев* «конкурс, соревнование», *велосурев* «велопутешествие», *тёнче пётни* «армагеддон»).

Подобные примеры можно привести также из нового терминологического словаря В.В.Андреева и М.Г.Даниловой¹: *Балтисум финн чёлхисем* «прибалтийско-финские языки», *вартуле* «среднее небо», *варчёлхе* «средняя часть языка», *вӑта сёкленёш* «средний подъем», *ёсхёл сум падеж* «приглагольный падеж», *хирёстӑру* «оппозиция», *диалект си элементсем* «наддиалектные элементы», *интонаци май сырӑм* «интонационное написание», *калу май сырӑм* «фонетическое написание» (они являются лингвистическими терминами).

2. **Образование новых слов для удовлетворения потребностей рациональной организации высказываемого смысла.** Детерминативные композиты называют сложные явления или события в компактной форме. Например, композит *сурани* «весенний сев» охватывает три семантических момента: а) называемое связано с процессом *ака* «сев»; б) *сур* «весна» сообщает время проведения сева; в) происходит в конечном итоге и расширение значения сочетания *сур аки* «весенняя страда, горячая пора».

Во втором параграфе «Фонетические изменения на стыке компонентов сложных слов» фонетические модификации на границе составляющих частей композита рассматриваются как один из важных факторов образования композита. Это сложное явление, тем не менее, эти деформации могут быть сведены к следующим основным моментам.

1. **Выпадение одного или более звуков в конце одного из компонентов (явление апокопы):** *асля анне* > *асанне* «бабушка по отцовской линии», *асля атте* > *асатте* «дедушка по отцовской линии», *утӑ чӳк* > *учӳк* «моление перед сенокосом», *куккук тёрри* > *куктёрри* > *куктёр* «веснушки», *камака си* > *камакши* «пространство на печке», *тыган амак* > *тытамак* «падучая, эпилепсия» и т.д.

2. **Выпадение начального звука второго компонента под воздействием конечного звука предшествующего компонента (явление элизии гласных):** *пахча алӑкё* > *пахчалӑк* «калитка», *сысна ашӑ* > *сыснаш* «свинина», *йӑва ача* > *йӑвача*

¹ Андреев В.В. Чăваш терминологийĕ: пĕтĕмĕшле ыйтусем, чёлхе пĕлĕвĕн терминĕсем / В.В.Андреев, М.Г.Данилова. – Шупашкар, 2001.

«колобок», *хула ашĕ* > *хулаш* «городище», *ура айĕ* > *урай* «пол» и т.д.

3. Исчезновение одного или более звуков в середине одного из компонентов или сокращение неудобнопроизносимых сочетаний (явление синкопы): *вырăсла апай* > *выслалай* «крестная мать», *сур тырри* > *суртри* «яровые», *ту хĕрри* > *тохри* «склон» и т.д.

4. Перестановка звуков или слогов в пределах компонентов (явление метатезы): *тĕклĕ тура* > *тĕкĕлтура* «название насекомого», *вар шăччи* > *варăшчи* «шест, втыкаемый в середине стога, стожар», *хушма ят* > *хушамат* «фамилия» и т.д.

5. Артикуляционное уподобление звуков в потоке речи (явление ассимиляции): *ку сĕр* > *кĕсĕр* «в эту ночь», *ку сул* > *кăсал* «в этом году», *кĕссе атă* > *кăсатă* «валенки», *сумăр чук* > *сăмăрчăк* «моление о дожде» и т.д.

При образовании сложных слов на основе сочинительной связи наблюдаются в общем такие же фонетические явления: *ача-пăча* > *ачалча* «детвора», *кил-йыш* > *килĕш* «семейство, род», *ашшĕ-амăшĕ* > *ашшамăш* «родители», *ула-чăла* > *улача* «пестрядь, самотканая разноцветная ткань» и т.д.

В результате фонетических изменений сложное слово может превратиться в «опрощенное», «этимологически сложное слово», начинает восприниматься носителями языка как простое слово. Наши наблюдения показывают, что таких чувашских слов, как и в других тюркских языках, значительно больше, чем можно предполагать. К таковым (на основе выборки из этимологических словарей) относятся следующие примеры: *паян* «сегодня», *пĕлтĕр* «в прошлом году», *тĕпел* «передняя часть избы, угол перед печкой», *аташ* «тезка», *акăш* «лебедь», *сывлăм* «роса», *сурхат* «название старинной посуды», *пускил* «сосед», *кустăрма* «колесо», *шурăмгус* «заря, рассвет», *вутăш* «дух огня» и т.д.

Богатый материал преподносят исследователю топонимия и антропонимия. Наблюдения показывают, что одни и те же этимологически сложные слова в разных тюркских языках формируются различными путями, в каждом тюркском языке это обусловлено закономерностями фонетической и грамматической системы этого языка.

В третьем параграфе «Орфографическое оформление сложного слова» делается вывод, что раздельное или слитное написание не может служить адекватным критерием опознавания и идентификации сложного слова.

Многие исследователи этого вопроса на материале разных языков сходятся во мнении, что слитное написание может быть достаточным, но не обязательным признаком при определении сложного слова.¹ Непоследовательность слитного и раздельного написания анализируемых единиц, на наш взгляд, продиктована рядом причин, а именно: а) противоречивым характером исследуемых единиц, отсутствием единого взгляда на природу сложных номинативных единиц; б) недостаточной изученностью вопросов словосложения во многих языках, в том числе и чувашском; в) субъективизмом исследователей.

В чувашской орфографии (по стандартам 1961 года) была сделана попытка выработать определенные правила относительно разграничения категорий композит и синтагм на основе следующих принципов: а) если сложное образование обозначает единое понятие и имеет новое значение, обычно отличающееся от суммы значений компонентов, то оно пишется слитно; б) если сложное образование не выражает единого понятия, отличающегося от суммы значений составляющих частей, то компоненты этого образования пишутся раздельно. Но это положение не смогло решить всех проблем, связанных со столь сложным явлением. Если признать сложными словами лишь сочетания, которые принято писать слитно, тогда пришлось бы считать словосочетаниями многочисленные действительно сложные слова.

Поправки, внесенные в чувашскую орфографию в 1967 году, установили различное написание для абсолютно одинаковых случаев: *сĕрпурт* «землянка» – *сĕр кĕпер* «земляной (насыпной) мост», *сĕрулми* «картофель» – *сĕр сырли* «клубника», *алтуйи* «трость, посох» – *ал тутри* «носовой платок» и т.д. По последней чувашской орфографии, оба варианта написания подобных образований считаются правильными, но преимущество отдается все же раздельному написанию. Решением вопроса это мы не

¹ См.: Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка / О.Д.Мешков. – М., 1976. – С. 183; Жабелова Л.Ж. Сложные имена существительные в карачаево-балкарском языке / Л.Ж.Жабелова. – Нальчик, 1986. – С. 21; Ахманова О.С. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц (на материале английского и шведского языков) / О.С.Ахманова. – Тр. Ин-та языкознания АН СССР. – 1954. – Т. 4. – С. 52.

считаем, поскольку языковое сознание не без влияния русской традиции, все же подсказывает, что лексическая единица должна быть цельноформленной. Остается тепшить себя мыслью, что любая орфография в конечном смысле условна. Далее в диссертации сформулированы рекомендации по орфографическому оформлению повторов, парных слов и некоторых типов атрибутивных именных композитов.

Четвертая глава «Семантическая характеристика именных композитов» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Лексическое значение слова» дается определение понятию «значение слова» и отмечается, что оно многогранно. Основную особенность семантики сложных слов составляет то, что общее значение композита связано с каким-то образом со значениями составляющих его компонентов, причем в каждом конкретном случае специфика и степень этой связи определяются целым рядом самых разнообразных факторов. Целостность восприятия значения при более близком рассмотрении и сравнении ряда композитов современного языка оказывается результатом различного движения мысли, движения, направленного в ту или иную сторону не только лексическими значениями частей, но и различными другими моментами, тем, что многие исследователи называют идиоматичностью. «Идиоматичность» традиционно понимается как неравенство значения целого сумме значений частей. Именно в том, как формируется идиоматичность в том или ином языке в процессе производства сложных слов, отражаются закономерности национального словообразования.

Во втором параграфе «Ономасиологическая структура сложных слов и специфика словообразовательных отношений ее компонентов» сложное слово рассматривается в ономасиологическом аспекте, т.е. в свете теории номинации.

Ономасиология изучает все единицы языка с точки зрения осуществления ими номинативной, или репрезентативной, функции и занимается вопросами номинативной техники и способами формирования единиц номинации разного уровня статуса (см. работы Р.А.Будагова, Е.С.Кубряковой, В.Г.Гака, Н.Г.Комлева, Д.Н.Шмелева, А.А.Уфимцевой).

В пределах общей теории номинации принято выделять три разных вида: а) номинация через слово и словосочетание (лексическая номинация); б) номинация через предложение (препозитивная номинация); в) номинация через текст (дискурсивная номинация). «В общих чертах основные

способы номинации одинаковы в разных языках, поскольку основания номинативной деятельности логичны и универсальны в такой же степени, как и формы мышления», — подчеркивает Д.Н.Шмелев.¹

Для нашего исследования наиболее важными являются номинативные характеристики трех видов номинативных единиц: 1) аффиксальных производных; 2) сложных слов; 3) словосочетаний.

Определяя производное как вторичный номинативный знак, Е.С.Кубрякова отмечает, что главной его чертой, в отличие от непроизводного, первичного номинативного знака, является расчлененность ономасиологической структуры.² Ономасиологическая структура членится на ономасиологический базис и ономасиологический признак (термины введены в научный обиход чешскими лингвистами): например, непроизводное *пулӓ* «рыба» — первичный номинативный знак и *пулӓсӓ* (*пулӓ+сӓ*) «рыбак» — вторичный номинативный знак, ономасиологическая структура которого, в отличие от нечленяемого «*пулӓ*» делится на ономасиологический базис «*пулӓ*» и ономасиологический признак «*-сӓ*».

Сложные слова, являясь, как и аффиксальные производные, вторичными номинативными знаками, также имеют расчлененную ономасиологическую структуру. Однако она характеризуется большей степенью расчлененности, поскольку, в отличие от аффиксальных производных, сложные слова состоят из двух полнозначных лексических компонентов.

Применительно к словосочетанию (имеются в виду свободные словосочетания) расчлененность мотивирующих признаков совпадает с членением словосочетания на отдельные слова. В них расчлененность номинации достигает своего предела, ибо в таком аналитическом наименовании обязательно осознаются оба признака (сѣнѣ кѣпер «новый мост», сѣтел ури «ножка стола», ватӓ учитель «пожилой учитель»).

Идиоматичные сложные слова (это сложные слова, семантическая мотивированность которых в итоге различных семантических процессов может считаться полностью или частично затемненной) представляют собой нерасчлененную

¹ Шмелев Д.Н. Способы номинации в современном русском языке /Д.Н.Шмелев. — М., 1982. — С. 16.

² Кубрякова Е.С. Производное как особая единица системы языка.—Теория языка. Англистика. Кельтология. /Е.С.Кубрякова. — М., 1976. — С. 78.

номинацию при частичном или полном переосмыслении значений одного или обоих компонентов. Причем в каждом конкретном случае специфика и степень этой связи определяются целым рядом самых разнообразных, иногда даже трудно уловимых факторов.

В зависимости от характера сдвига значения всего сложного слова по отношению к значениям составляющих его компонентов можно выделить два типа:

1. Сложные слова со значением, которое богаче суммы значений составляющих компонентов, но в которое тем не менее включаются как один из моментов его содержания также вместе значения составляющих компонентов. В силу этого передаваемые этими сложными словами значения оказываются более узкими, чем сумма значений составляющих компонентов: *хура кӓмпа* «чернушка», букв. «черный гриб» (но не всякий черный гриб есть чернушка), *мӓн алӓк* «парадная дверь», букв. «большая дверь» (но не всякая большая дверь есть парадная дверь).

2. Сложные слова, в объем значения которых уже не входит как составная часть значение по крайней мере одного из их компонентов (соотношение значений композит этого типа со значением их составляющих компонентов носит метафорический характер): *тур палли* «родинка», букв. «божья отметина», *виш шыв* «роса», букв. «мертвая вода».

Собранный нами материал свидетельствует, что многие именные композиты с переосмысленными компонентами встречаются в разных лексико-семантических группах: а) названиях трав и цветов (*салтак туми* «пулавка красильная», букв. «солдатская пуговица»; *Йылтырши* «выюнок полевой», букв. «собачьи кишки»; *сарлуç* «первоцвет лекарственный», букв. «желтая головка» и т.д.); б) названиях внутренних органов и частей человеческого тела (*шӓк хӓми* «мочевой пузырь», *пит сӓмарти* «щека», *аяк пӓрчи* «ребро», *ал сыппи* «залягье» и т.д.); в) названиях древних божеств и обрядов (*вут ами* «мать огня», *вут чӓлхи* «наговор против пожара», *тур кӓлли* «название духа», *шӓл вӓрри* «наговор от зубной боли» и т.д.); г) названиях природных явлений (*асамат кӓперри* «радуга», *шурӓмлуç* «заря, рассвет», *кавак хуппи* «северное сияние», *аслати* > *аслӓ ати* «гром» и т.д.). По поводу последнего примера чувашский исследователь Н.И.Егоров полагает, что его появление «относится к седой древности, когда еще были живы антропоморфические представления о природе в целом и о громах в частности. Сам факт названия бога-грома (в архетипе – обожествленного антропоморфного неба) термином для деда по

отцу свидетельствует в пользу архаичности этого термина...»¹ Широкое распространение метафорических названий, по мнению К.Бюлера, служит не только для выделения, но и для вуалирования: «В своей первичной форме метафора – это интеллектуальная самозащита индивида».²

Нельзя обойти вниманием и так называемые «императивные имена». Это в основном прозвища и имена, обладающие особой стилистической окраской и встречающиеся в разговорном языке. Они могут быть образованы по всем четырем основным словообразовательным типам: 1) по структурной схеме первого изафета: *тӓм пӓпал* «совершенный дурак» (досл. «глиняное ружье»), *кӓççe пит* «бесстыдник, бессовестный» (досл. «войлочное лицо»), *шӓн (шӓм) луç* «глухой, бестолочь» (досл. «костяная голова»); 2) по структурной схеме второго изафета: *кӓл чӓххи* «домосед» (досл. «курица-золушка»), *сӓм кӓнчели* «неряха, растрепан» (досл. «шерстяная прялка»), *тӓлӓк патпи* «соня, сонуля» (досл. «царь сна»); 3) сочетание прилагательного с существительным: *шӓтӓк тӓпе* «глухой, несообразительный» (досл. «дырявая макушка»), *хыт пӓрса* «жадина, скряга» (досл. «твердый горох»), *тур пилӓк* «ленивец, лодырь» (досл. «прямая поясница»); 4) сочетание имени с отглагольной формой: *кара сӓвар* «ротозей» (досл. «разинутый рот»), *пӓннӓ луç* «глухой, дурак» (досл. «мерзлая голова»), *ӓш хыппи* «гот, кто доставляет много неприятностей» (досл. «сжигающий нутро»).

Неоднозначно решается вопрос в исследовательской практике об отнесении идиоматичных образований к разряду слов, многие склонны считать их фразеологизмами. Причина, видимо, заключается в том, что именные фразеологические единицы представляют собой все виды фразеологических единиц (сращения, единства, сочетания) и характеризуются особой семантикой, целостной структурой, постоянным компонентным составом, воспроизводимостью, устойчивостью. Они функционируют в предложении как определенная часть речи и принимают ее различные категориальные признаки, поэтому все попытки установить различия между именными фразеологическими единицами и сложными словами оказы-

¹ Егоров Н.И. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. (II Отец. (Родитель) /Н.И.Егоров// Исслед. по лексикологии и фразеологии чувашского языка. – Чебоксары, 1982. – С. 13.

² Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. / К.Бюлер. – М., 2000. – С. 32.

ваются тщетными. На наш взгляд, их природе вполне соответствовал бы термин «сложные слова фразеологического типа», что мы и находим у некоторых исследователей.

В третьем параграфе «Национально-культурная специфика именных композитов в чувашском языке» рассматривается одна из актуальных проблем современного языкознания – взаимосвязь специфики национальной культуры и историко-семантических исследований.

Характерно, что у каждого народа, помимо символов, общих с другими народами, существует система образов, специфичных для данной лингвокультурной общности. Это говорит об индивидуальности образного мышления конкретного народа, представляющего собой сложный ассоциативно-психологический процесс. Попадая в сферу человеческой деятельности, природные образования вовлекаются в область культурных интересов социума и получают названия, отображающие общественный опыт носителей языка, их субъективные и прагматические оценки. В операционном аспекте человеческой деятельности оказываются и особенности историко-культурного характера, поскольку человека окружают не только природные явления, но и артефакты-предметы, созданные людьми, в которых осуществлена деятельность предшествующих поколений.

Далее в диссертации эти положения проиллюстрированы на отдельных лексико-тематических группах именных композитов чувашского языка. **Именные композиты со словом *ял* «деревня, село»** встречаются во всех описанных нами структурно-словообразовательных типах. Самыми древними среди них являются названия божеств и обрядов (*ял сурьмь* «назв. божества»; *ял лурен* «назв. злого духа»; *ял ваййи* «назв. праздника»). Привязанность крестьянина к земле заключается в отношении не к абстрактному пространству, а к конкретной почве, к конкретным полям и лесам (*ял вярмань* «лес деревни»; *ял сёр* «деревенские угодья»). Понятие «мир» (*ял си* «деревенский мир») является наиболее емким, многозначным. Отношения между крестьянскими индивидами в пределах своей деревни являются наиболее сильным звеном. За свою многовековую историю крестьянство выработало нравственные нормы поведения. Это отразилось в ряде композитных образований (*ялти ватӑ* «старейшина, аксакал»; *ял кулли* «деревенское посмешище»; *ял каскӑнӗ* «пшатун, пшатунья»).

Об особенностях хозяйственной, социальной и культурной жизни народа могут поведать и религиозно-мифологические названия, и термины родства, и названия растений и животных

(иллюстративный материал широко представлен в диссертации). В антропотопонимическом материале также можно выделить группы, связанные с различными названиями атрибутов материальной культуры, с разными сферами духовной жизни чувашского народа, его исторического прошлого и настоящего. Их исследование проливает свет и на проблему взаимодействия языков и является отражением общего языкового процесса взаимовлияния и взаимообогащения контактирующих языков.

В конце параграфа делается следующий **вывод**: онимия любого народа содержит огромное информационное культурно-историческое богатство.

Пятая глава «Сложное слово и смежные с ним явления» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Соотношение сложного слова и словосочетания» ставится цель рассмотреть критерии отграничения сложных слов от свободных словосочетаний и определить наиболее приемлемые из них для чувашского языка.

Трудности проведения границ между этими языковыми явлениями обусловлены рядом причин, а именно:

– слово (в том числе и сложное) и словосочетание имеют общие черты. Близость к слову особенно ярко проявляется в возможности словосочетания выступать в качестве номинативного средства для обозначения субстанций и признаков;

– до сих пор в лингвистической науке имеет место различное толкование природы словосочетаний;

– характер самих атрибутивных словосочетаний, который «по силе сцепления между ведущим и зависимым словам ... стоит на границе сложного слова»¹.

Традиционно в тюркологии критериями отграничения сложных слов от словосочетаний признаются **фонетический, семантический и орфографический** признаки (см. труды М.И.Адилова, Б.О.Орузбаевой, Ф.А.Ганиева, С.П.Горского и др.). Следует заметить, что эти критерии не являются универсальными для всех языков, потому что фонетическое или иное оформление единства и цельности сложных слов целиком зависит от особенностей того или иного языка. Так, например, авторы «Академической грамматики испанского языка» в качестве надежного критерия определения степени завершенности и незавершенности сложения слов считают поведение компонентов сложного слова: если первый компонент принимает форму множественного числа, то

¹ Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка / А.И.Смирницкий. – М., 1957. – С. 176.

такое слово считается незаконченным сложным словом; напротив, сложные единства, позволяющие образовать множественное число только во втором компоненте, считаются законченными сложными словами.

Особенно «уязвимо» понятие цельноформленности в орфографическом отношении. Например, в современных тюркских языках, в том числе и чувашском, где представлены три типа написания слов – слитное, раздельное, полуслитное (дефисное), критерий цельноформленности явно недостаточен для отграничения сложных слов от словосочетаний.

Для чувашского языка, как мы полагаем, наиболее надежными при отграничении сложных слов от словосочетаний оказываются **грамматические** признаки.

1. Между компонентами синтаксических единиц существует живая синтаксическая связь, а между компонентами сложного слова этого быть не может, потому что в рамках сложного слова они выступают в качестве морфем. Так, сложное слово *сӑл куҫ* «родник» в предложении выполняет функцию какого-либо члена предложения только в совокупности: *Капни юхан шыв сӑл куҫран пуҫланать* «Каждый ручеек зачинается с родничка». Раздельное рассмотрение компонентов сложного слова привело бы к искажению смысла высказывания.

2. В отличие от словосочетания, в котором каждое слово может самостоятельно сочетаться с другими словами, компоненты сложного слова не могут вступать в самостоятельную синтаксическую связь с другими словами.

В зарубежной лингвистике данный критерий получил название «принцип глобального или тотального детерминирования». Он сводится к принципу так называемого «синтаксического поведения» сложных слов, по которому прилагательное определяет имена, составляющие структуру сложного слова в целом (см. пример выше: определение *капни* «каждый» определяет композит из двух компонентов *юхан шыв* «ручеек» в целом).

3. «Принцип необратимости компонентов» исходит из предыдущего положения и заключается в невозможности интервирования компонентов сложного слова без разрушения его структуры в целом, т.е. сложное слово не допускает изменения порядка компонентов, характеризующихся линейным расположением.

4. Словосочетания по своей синтаксической природе не могут вступать в словообразовательные связи. Сложные же

слова обладают такой способностью и подобно простым словам служат для новообразований: – Ачам, - чёнчĕ ӑна *сёрмекупӑссӑ* (Сементер); – Вут *кайӑклӑн* вёсĕр, ан юлӑр, ан юлӑр сĕр-шыв уттинчен (С.Мишши).

Все отмеченные факты свидетельствуют о том, что сложное слово соотносится со знаменательными частями речи. Именно данный признак, названный исследователями «соотнесенность единицы образования с одним парадигматическим классом», лежит в основе морфологических определений сложных слов во многих научных грамматиках.

Во втором параграфе «Сложное слово и аффиксальные образования» делается попытка теоретически осмыслить переходные явления между словосложением и аффиксацией, определить их общие черты и отличия.

Многими исследователями, в том числе и чувашскими, признается тот факт, что словосложение и аффиксация генетически связаны между собой.¹ М.Д.Степанова, в частности, пишет: «В функции, аналогичной роли словообразовательных морфем, могут выступать лексические единицы, которые нередко, сочетаясь с одним и тем же семантически стержневым словом, образуют целые серии устойчивых словесных комплексов, напоминающих словообразовательную парадигму».² В одних случаях они, утрачивая свое вещественное значение, превращаются в чисто строевые элементы типа словообразовательных аффиксов. Примерами для чувашского языка могут служить:

а) древние названия (явно дотюркские) селений на *-нар(-нер)*: *Апнер*, *Вӑпнар*, *Кёгеснер*, *Кунер*, *Пинер* и т.д. Первая часть этих слов в отделенном прошлом, вероятно,

¹ Научная грамматика немецкого языка (Авторы: Л.Ф.Зиндер и Т.О.Сокольская). – Л., 1938. – С. 163-164; Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. – М., 1963. – С. 331; Хуа Хэ. Структурно-семантический анализ сложных слов в китайском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1997. – С. 21; Апмарин Н.И. Заметки по грамматике чувашского языка. – Тр. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1976. – Вып. 66. – С. 7; Андреев Н.А. Ядро основного словарного фонда чувашского языка. – Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1953. – Вып. 3. – С. 166.

² Указ. раб., там же.

обозначала название рода или племени, а вторая часть - нар(-нер) – «стойбище, стоянку, дом, селение»;

б) дохристианские женские имена с повторяющимися постпозиционными элементами *-ли* (пике «сударупка, госпожа»): Уйӕхли, Пикели, Хёвелли, Илемли, Сьвлӕмли и т.д.; с препозиционным элементом *мин-* (в тюркских языках корень «мин» употребляется со значением «родимое пятно»): Минук, Миӕй, Минюхха, Минӕслу, Минсюк;

в) образования с аффиксоидным элементом *-сси* (в прошлом йывӕсси «ее, его дерево»): ярусси «воробы, снаряд для размотки пряжи», улмусси «яблоня», сапусси «било, цепеп», пӕртусси «притужальник».

В других же случаях, приобретая строевую функцию, они сохраняют свойственные им значения. Иллюстративным материалом для данного случая являются структурно-лексические модели с общим первым или вторым компонентом и общим характером отношений между компонентами, со сходной семантической мотивированностью. Таковы, на наш взгляд, образования со вторым повторяющимся компонентом, обозначающим категорию ягод «сырла», деревьев «йывӕс», цветов «чечек», трав «курӕк», грибов «кӕмпа», лесов «вӕрман», рыб «пулӕ» и различных других понятий и предметов. В качестве первых повторяющихся компонентов чаще всего выступают односложные слова *ал* «рука», *пус* «голова», *кус* «глаз», *ура* «нога», *сын* «человек», *сёр* «земля», *шыв* «вода», *сил* «ветер» и т.д. (ряды иногда насчитывают до 30-40 образований). Именно такие ряды и создают предпосылки для образования именных полуаффиксов и полупрефиксов.

Таким образом, в чувашском языке, как и во многих других языках, словосложение и аффиксация представляют собой два взаимодополняющих способа формо- и словообразования. Словосложение обуславливает и развитие аффиксального способа путем формирования новых аффиксов, что также определяют взаимную тесную связь между этими двумя способами слово- и формообразования. Процесс грамматикализации слова, представляющего собой компонент сложного образования, всегда созревает в системе словосложения.

В третьем параграфе «Сложнокращенные слова и аббревиатуры» эти единицы рассматриваются с разных точек зрения как своеобразное явление в системе словообразования.

Одни исследователи не причисляют их к сложным словам. По мнению исследователя башкирских сложнокращенных слова К.Г.Ишбаева, «хотя в процессе сокращения в формальном отношении мы и получаем новую лингвистическую единицу, однако в лексико-семантическом плане данная единица не является по-настоящему новым словом, т.к. она не получает новое лексическое значение, а лишь повторяет значение первоначального слова или словосочетания».¹

Другие (их большинство) полагают, что сложнокращенные слова представляют собой «относительно новый способ словообразования, связанный структурно и семантически со словосложением и с образованием устойчивых словосочетаний».²

В чувашском языке могут быть выделены два основных типа аббревиатурных знаков: 1) сокращение слов (этим способом образуются сокращенные слова); 2) сложение сокращенных слов (этим способом образуются сложнокращенные слова). Сложнокращенные слова, функционирующие в современном чувашском языке, в основном относятся к разряду имен существительных и по своей структуре представляют собой следующие разновидности:

1) сочетание начальных букв (фонем) исходных словоформ: ЧНК (Чӕваш наци конгресӕ) «Чувашский национальный конгресс», ЧПУ (Чӕваш патшалӕх университетӕ) «Чувашский государственный университет», ШӐМ (Шалти ёсен министерстви) «Министерство внутренних дел»;

2) сочетание начальных частей слов: ялкор (ялги корреспондент) «сельский корреспондент», хам. кор. (хамӕр корреспондент) «собственный корреспондент», чӕв. кал. (чӕваш календарӕ) «чувашский календарь»;

3) сочетание начальных частей и целых слов: оргйӕту «организационный вопрос», информкӕларӕм «информационный

¹ Ишбаев К.Г. Проблемы словообразовательной системы башкирского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 1996. – С. 122.

² Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка / М.Д.Степанова. – М., 1953. – С. 197; См. также: Думбрэвяну М.И. Очерки по теории словосложения / М.И. Думбрэвяну. – Кишинев, 1980, с. 55; Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С.Кубрякова. – М., 1981. – С. 71.

выпуск», литпёрлещу «литературное объединение», пулăшком «комитет благотворительности»;

В заключение можно отметить следующее: в большинстве своем сложносокращенные слова и аббревиатуры обусловлены общей тенденцией к экономии языковых средств и проявляют активность особенно в последние десятилетия. Все это происходит не без влияния русского языка, так как в составе аббревиатур, употребляющихся в чувашском языке, имеется большое количество калек и заимствований из русского языка.

В «Заключении» сформированы выводы и подведены итоги исследования системы чувашского именного словосложения в ее современном состоянии и, насколько это удалось, в ее развитии. Они следующие:

1. Применение родового термина *сложное слово* (чув. хутлă сăмах) облегчило классификацию сложных образований в чувашском языке и придало им научную четкость и определенность.

2. При определении композита современная лингвистика исходит из следующих признаков цельнооформленности: а) семантическое единство при лексической знаменательности частей композита; б) стирание грамматического значения между компонентами образования; в) грамматическое единство (морфологическое и синтаксико-функциональное); г) соотносительность со словосочетанием. Определение сложного слова должно строиться на учете трех аспектов в словосложении, введенного по соображениям логического порядка (генетического, морфологического, семантического).

3. Словарное повторение своими корнями уходит в глубокую древность. Логично полагать, что наиболее старый вид повтора – полный повтор (повтор одной и той же единицы дважды). Образование парных слов является дальнейшим развитием повторения корня или основы слова. Эволюция редупликации в спаривание стала возможной лишь с развитием лексической синонимии, что предполагает известную степень развитости языка. Слова приобретают новые формы и категории потому, что новые социально-экономические условия и соответственно им развивающееся мышление требует этого. Новые предметы и понятия, возникшие и возникающие в процессе развития общества и мышления людей, с неумолимой необходимостью нуждаются в выражении в языке. Именно этот закон и является движущим моментом в развитии новых функций, значений разных типов сложных слов.

4. Сложные существительные в зависимости от характера отношений между компонентами, морфологических и лексико-семантических особенностей этих компонентов можно разделить на две группы: копулятивные и атрибутивные композиты. Обогащение и пополнение основного словарного фонда чувашского языка происходило и происходит за счет обоих типов композитов.

5. Повторы (редупликация) – это не механическое повторение. Возникновение и функционирование разнообразных типов редупликаций является результатом закономерного процесса развития языка. Исходя из основной идеи удвоения – усиления значения в том или ином отношении, его стали удачно применять для выражения грамматических категорий (множественности, характера протекания действия и т.д.). Образование слов при помощи повторения корня или основы слова составляет самостоятельный подтип словообразования.

6. Сложные слова детерминативного типа структурно организованы по моделям определительных словосочетаний: а) образованные по структурной схеме первого изафета; б) образованные по структурной схеме второго изафета; в) субстантивные сложения с адъективным первым компонентом; г) сочетание именного определяющего члена с глагольным определяемым членом. В чувашском языке, как и в других тюркских языках, большинство сложных слов создано преимущественно по образцам, т.е. по тем словосложительным моделям, которые уже существуют в языке. Вместе с тем разнообразие типов композитов объясняется сосуществованием в языке более поздних схем конструирования лексических единиц, что вызвано потребностями общества в создании номинативных единиц.

7. Одним из факторов возникновения сложного слова исследователями признается присутствие фонетического изменения на рубеже составляющих частей композита. В результате данного процесса сложное слово может превратиться «в опрощенное», «этимологически сложное» слово.

8. Недостаточная определенность правописания сложных слов в какой-то степени сдерживает рост словарного состава чувашского языка за счет создания слов-композитов. Однако это обстоятельство не смогло противостоять действию внутренних законов грамматики языка. В современном чувашском языке появляются новые образцы словосложения, в результате чего возникают большие колебания в слитно-раздельном написании однотипных или даже одних и тех же

сложных образований. Раздельное или слитное написание не может служить верным критерием опознавания и идентификации сложных единиц.

9. Наиболее плодотворными для семантической характеристики именных композит оказываются исследования в ономазиологическом аспекте, т.е. в свете теории номинации. Для нашего исследования наиболее важными оказались номинативные характеристики трех видов номинативных единиц: 1) аффиксальных производных; 2) сложных слов; 3) словосочетаний. Сложные слова, как и аффиксальные производные, имеют расчлененную ономазиологическую структуру, однако она характеризуется большей степенью расчлененности. Это объясняется тем, что сложные слова состоят из двух полнозначных лексических элементов. В словосочетаниях расчлененность номинации достигает своего предела, ибо в нем (словосочетании) обязательно осознаются оба признака: *ватӑ учитель* «пожилой учитель», *сӗтел ури* «ножка стола» и т.д.

10. Идиоматичные сложные слова представляют собой нерасчлененную номинацию при частичном или полном переосмыслении значений одного или обоих компонентов. В зависимости от характера сдвига значения всего сложного слова по отношению к значениям его составляющих компонентов можно выделить два типа: 1) сложные слова со значением, которое по своему содержанию богаче суммы значений составляющих компонентов, но в которое тем не менее включаются как один из моментов его содержания также значения составляющих компонентов (многие названия растений, животных, грибов и т.д.); 2) сложные слова, в объеме значения которых уже не входит как составная часть значение по крайней мере одного из их компонентов (образования метафорического характера): *майра йӗшпи* «булавка», *чӗп куҫ* «копилка», *вил шыв* «роса» и т.д.

11. Изучение именных композит в гносеологическом и онтологическом аспектах позволяет изучить процесс отражения национальной культуры в языке и выявить факторы, способствующие образованию анализируемых компонентов значения, их особенностей в языке и речи. В этом смысле наиболее значимыми являются следующие лексико-тематические группы именных композит чувашского языка: религиозные верования, термины родства, растительный и животный мир, антропонимика и топонимика. Онимия любого народа содержит огромный информационный культурно-исторический потенциал. Она может заключать в

себе данные о расселении и этническом составе народов, отражать религиозное мировоззрение и верования, обычаи и обряды и другие сферы духовной и социальной жизни народа.

12. Традиционная трактовка цельноформленности для чувашского языка является также не актуальной. Наиболее надежными оказываются грамматические признаки: 1) бытование сложного слова в качестве одной лексической единицы и соответственно -- обязательная принадлежность к определенной части речи и функционирование в формах, свойственных данной части речи; 2) участие в словообразовании в качестве производящей основы и в качестве компонента словосочетания (*хулаҫум* вокзалё «пригородный вокзал»; *юрай сӑри* «пиво из-под снега»; *алӑкши янаххи* «притолока»; *килхуҫи хӗрарӑмӗ* «хозяйка дома» и т.д.); 3) невозможность инвертирования компонентов сложного слова без разрушения его структуры в целом. Не следует, однако, полностью игнорировать и семантический признак. В результате сложения слов происходит семантический сдвиг от суммы значений компонентов, сложное образование приобретает предметное значение. Воспроизводимость сложного слова предполагает наличие номенандума, т.е. обозначения соединением нерасчлененного понятия, тогда как словосочетание имеет расчлененную ономазиологическую структуру.

13. В чувашском, как и в других языках, словосложение и аффиксация представляют собой два взаимодополняющих способа слово- и формообразования. Процесс формирования новых аффиксов не приводит к нарушению стройности морфологической системы языка, т.к. происходит медленно и незаметно. Аффиксы формируются из самостоятельных слов путем грамматикализации и фонетической обработки последних, т.е. проходя стадию полуаффиксации. Процесс грамматикализации слова, представляющего собой компонент сложного образования, всегда созревает в системе словосложения.

14. Сокращение слов и словосочетаний -- своеобразное явление в системе словообразования. В современном языкознании теоретически определена специфика сложносокращенных слов как особого типа слов, их морфологические, мотивационные и другие свойства. Они, отличаясь от повторных и парных слов, приближаются тем не менее к сложным словам.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии и методические пособия:

1. Семенова Г.Н. Именные композиты в чувашском языке /Г.Н.Семенова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 160 с.
2. Семенова Г.Н. Композитообразование в чувашском языке и его национальная специфика /Г.Н.Семенова. – М.: Прометей, 2005. – 318 с.
3. Семенова Г.Н. Методика преподавания чувашского языка /Г.Н.Семенова. – Чебоксары: Изд-во ЧРИО. 2004. – 215 с. (в соавторстве).
4. Семенова Г.Н. Общие вопросы методики преподавания чувашского языка / Г.Н. Семенова.– Чебоксары: Изд-во ЧГУ. 2001.– 55 с.

Научные статьи в тематических сборниках и журналах:

5. Семенова Г.Н. Редупликация в освещении школьных и вузовских пособий по чувашскому языку / Г.Н.Семенова// Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1987. – С. 103-110.
6. Семенова Г.Н. К этимологизации парно-повторных образований в чувашском языке /Г.Н.Семенова //Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1988.– С. 123-127.
7. Семенова Г.Н. Йёкёреш сáмахсен пёлтерёшэ /Г.Н.Семенова //Тáван Атáл. – 1989. – 6 №. – С. 69-70.
8. Семенова Г.Н. К проблеме классификации сложных слов в чувашском языке /Г.Н.Семенова //Проблемы изучения и преподавания филологических наук. Часть IV (Татарская и чувашская филология). – Стерлитамак, 1999. – С. 183-185.
9. Семенова Г.Н. Когда возникают сложные слова? /Г.Н.Семенова // Елизавета Федоровна Васильева: к 65-летию со дня рождения. – Чебоксары, 1999. – С. 56-58.

10. Семенова Г.Н. К определению понятия «сложное слово» / Г.Н.Семенова // Историко-этимологическое изучение чувашского и алтайских языков. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. – С. 68-70.

11. Семенова Г.Н. Статус редупликации в словообразовательной системе языка /Г.Н.Семенова // Изв. МГСУ. Вып. III. Философия, история, экономика. – Чебоксары, 2000. – С. 97-101.

12. Семенова Г.Н. К интерпретации взаимодействия словосложения и аффиксации как основных способов словообразования /Г.Н.Семенова //Актуальные проблемы чувашского языка. Матер. конференции, посвященной 60-летию профессора В.И.Сергеева. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – С. 27-29.

13. Семенова Г.Н. Из истории развития сложных слов / Г.Н.Семенова // Изв. МГСУ. № 2(5). Философия, история, экономика. – Чебоксары, 2001. – С. 84-88.

14. Семенова Г.Н. Фонетическое оформление сложного слова /Г.Н.Семенова //Чáваш филологийёпе культуры тата журналистики (ёнер, паян, ыран). Материалы конференции, посвященной 5-летию Ин-та чувашской филологии и культуры. – Чебоксары, 2002. – С. 65-66.

15. Семенова Г.Н. Именные композиты и их проблематика в чувашском языке /Г.Н.Семенова //Этнос и личность: Исторический путь, проблемы и перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – М.; Чебоксары, 2003. – С. 100-103.

16. Семенова Г.Н. Словосложение и аффиксация – два взаимодополняющих способа словообразования в языках/ Г.Н.Семенова // Этнос и личность: исторический путь, проблемы и перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – М.; Чебоксары, 2003. – С. 104-109.

17. Семенова Г.Н. Экстралингвистические и лингвистические факторы в развитии лексики (на материале именных композитов чувашского языка) /Г.Н.Семенова // Национальные традиции в культуре народов Поволжья.

Материалы региональной научно-практической конференции: 19 июня 2003 г. – Чебоксары, 2003. – С. 122–128.

18. Семенова Г.Н. Сложносокращенные слова и аббревиатуры в современном чувашском языке / Г.Н.Семенова // Вестн. Чебоксар. филиала МГОПУ им. М.А.Шолохова. – М.; Чебоксары, 2004. – № 1. – С. 198-202.

19. Семенова Г.Н. Лингвистическая природа сложных слов в системе словообразования в тюркских языках / Г.Н.Семенова // Вестн. Чебоксар. филиала МГОПУ им. М.А.Шолохова. – М.;Чебоксары, 2004. – № 1. – С. 194-198.

20. Семенова Г.Н. Семантическое оформление сложного слова в чувашском языке / Г.Н.Семенова // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. научн. ст. /ЧГПУ им. И.Я.Яковлева. – Чебоксары, 2004. – С. 51-55.

21. Структурно-семантические типы парных слов в чувашском языке /Г.Н.Семенова //Ашмаринские чтения: Материалы межрегион. научн. конф. – Чебоксары: Изд-во им. И.Н.Ульянова. 2004. – С. 379-388.

22. Семенова Г.Н. Социально-исторические факторы образования и употребления именных композитов в чувашском языке /Г.Н.Семенова //Актуальные проблемы чувашского языка и литературы /Сб. материалов Всерос. научно-практ. конф. – Стерлитамак: Стерлитамакская государств. пед. академия. – С. 237-246.

23. Семенова Г.Н. Сложносокращенные слова и аббревиатуры в современном чувашском языке / Г.Н.Семенова // Актуальные проблемы гуманитарных наук на рубеже XX-XXI веков (Образ современности, действительность, перспективы). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. – С. 181-186.

24. Семенова Г.Н. Социально-исторические факторы возникновения и употребления именных композитов в чувашском языке /Г.Н.Семенова // Туркология. – 2005. – № 1. – С. 51-57.

25. Семенова Г.Н. Структурно-словообразовательная характеристика детерминативных именных композитов в

чувашском языке / Г.Н.Семенова // Туркология. – 2005. – № 2. – С. 21-32.

26. Семенова Г.Н. Фонетические изменения на стыке компонентов как фактор возникновения сложных слов в чувашском языке / Г.Н.Семенова // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2004. – № 1. – С. 162-170.

27. Семенова Г.Н. Отражение национально-культурной специфики народа в именных композитах (на материале разносистемных языков) / Г.Н.Семенова // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 192-204.

28. Семенова Г.Н. Отражение национально-культурной специфики народа в именных композитах (на материале разносистемных языков) / Г.Н.Семенова // Регинология. – 2005. – № 3. – С. 222-230.